

ВЕСТНИК

центра апологетических
исследований

73/18

Подвизаться за веру, однажды преданную святым. (Иуды 3)

Тема номера:

Психологические проблемы культов

В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

- Культы сегодня (с. 2)
- Если ваш ребенок попал в культ (с. 8)
- Трудности выхода из культа (с. 18)

КУЛЬТЫ СЕГОДНЯ

Янья Лалич

Культы вовсе не исчезли (как некоторым хотелось бы думать) с окончанием 1960-х и 1970-х годов — периода, когда растущее влияние и подчас сомнительные правила и методы таких групп впервые привлекли к ним внимание в самых разных частях света. На самом деле, культы и культовые взаимоотношения сейчас переживают расцвет, хотя многие старые движения действительно достигли зрелости и отказались от наиболее спорных обычаев. Если сегодня их проповедников можно реже встретить на улице беседующими со случайными прохожими, то лишь потому, что многие культы теперь используют в качестве площадок для вербовки профессиональные сообщества, студенческие организации, семинары личностного роста и сеть Интернет. Мы видим, как людей всех возрастов — даже целые семьи из нескольких поколений — вовлекают в самые разные группы, деятельность которых сосредоточена на чем угодно, от психотерапии до предпринимательства, от философии Новой Эры до толкования Библии, от боевых искусств до политических изменений. Известный специалист по культам, клинический психолог Маргарет Тэйлер Сингер оценивала число жителей Земли, в последние годы побывавших в одном или нескольких культах, приблизительно в 10-20 миллионов человек.

Отношение к термину «культ» неоднозначно, но я обычно пользуюсь именно им — на мой взгляд, он наиболее удачно описывает социальную структуру и социально-психологическую динамику таких групп. Понятие это имеет давнюю историю и восходит к работам покойного социолога Макса Вебера, писавшего в XIX столетии. В последние примерно десять лет некоторые исследователи, говоря о подобных группах, предпочитали называть их «новыми религиозными движениями»; однако мне такое обозначение кажется неудачным — хотя бы уже потому, что не все культы имеют религиозную природу. В минувшие годы для описания культов пытались использовать и другие формулировки — например, «группы с высоким уровнем требований» (*high-demand groups*), «группы с высоким уровнем контроля» (*high-control groups*), «тоталитарные группы» (*totalistic/totalitarian groups*), «закрытые

Янья Лалич

харизматические группы» (*closed charismatic groups*), «сверхавторитарные группы» (*ultra-authoritarian groups*) и т. п. В академических кругах относительно употребления слова «культ» шли довольно острые споры, и некоторые ученые и исследователи, пользуясь своим авторитетом, пытались убедить коллег, юристов, психологов, журналистов и всех прочих, что называть подобные группы «культами» не следует.

Термин, «культ», напротив, имеет ценное преимущество — его долгое время использовали в социологических, психологических и религиозных работах, и он понятен современному обществу. Как бы мы ни называли эти группы, не следует игнорировать их структурные и поведенческие особенности, выявленные благодаря многолетним научным исследованиям и многочисленным свидетельствам людей, которые успешно порвали с культовыми группами и взаимоотношениями. Если мы сделаем вид, что культов не существует, или будем называть их как-то иначе, они никуда не исчезнут. И такой подход никак не поможет нам понять эти сложные социальные системы. Но, что важнее всего, сокрытие и приукрашивание фактов не поможет бывшим членам культа полноценным и здоровым образом понять и принять свое прошлое.

Четкость определений, конечно, важна — без нее невозможно понять, как правильно использовать термины. Но существует множество разных толкований. С моей точки зрения, слово «культ» указывает на определенного рода властные структуры и внутренние взаимоотношения, основанные на харизматичном авторитете. Я предпочитаю следующее определение:

Култ может представлять собой либо четко очерченную социальную группу, либо социальное движение с размытыми границами, единство которого поддерживается общей преданностью харизматичному лидеру. Он отстаивает трансцендентную идеологию (зачастую, но не всегда религиозную по природе) и требует от своих членов высокой степени посвящения на словах и на деле.

Это определение не является оценочным, уничижительным или односторонним (т. е. не подразумевает, что группа, о которой идет речь, хорошая, плохая или какая-либо еще). Моя цель — донести до читателя системное представление о такой группе, которое включает в себя харизматичные взаимоотношения, а также обещание удовлетворения вкупе с методом его достижения.

Не все культы одинаковы, к тому же они могут меняться в зависимости от времени и места. Культы отличаются друг от друга идеологическими установками и богословскими взглядами, а также конкретными обычаями, требованиями и правилами. Некоторые могут быть более радикальными, чем остальные. Культы существуют за счет системы влияния (на своих членов и на общество) и системы контроля (от практически неощутимого до всеобъемлющего) и могут быть как вполне безобидными, так и реально опасными. Культы нередко представляют собой тоталитарные и замкнутые группы, но это не обязательный признак. Каждую группу необходимо изучать и оценивать отдельно, с учетом характерных для нее обычаев и проявлений.

Категории культов

Культы бывают самых разных видов и размеров. Опыт конкретных людей не всегда хорошо укладывается в рамки перечисленных ниже категорий, однако этот список даст вам некое представление о том, насколько многообразны эти группы, и какие разные стороны человеческой жизни они затрагивают.

Восточные культы

Восточные культы характеризуются верой в духовное просветление, реинкарнацию, достижение божественности и нирвану. Как правило, лидер проповедует искаженные идеи, почерпнутые в индуизме, буддизме, сикхизме или суфизме. Иногда члены культа отказываются от мирской собственности и дают обет бедности или безбрачия. В число ритуалов и методов влияния входят продолжительная медитация, повторение мантр, измененные состояния сознания, безбрачие или ограничения в интимной жизни, пост и ограничения в пище, особые облачения и аксессуары, алтари и вхождение в транс с помощью пения, вращения или иным способом.

Религиозные культы

Религиозным культам свойственна вера в некоего бога или какое-то высшее существо, в спасение и в жизнь после смерти, иногда в сочетании с апокалиптическими ожиданиями. Лидер предлагает свое толкование Писания (Библии, Корана, Талмуда или каббалы) и зачастую называет себя пророком или даже мессией. Как правило, в группе существуют строгие правила, в некоторых случаях используются телесные наказания (например, розги) — особенно по отношению к детям. Зачастую членов группы поощряют уделять много времени проповеди неверующим. К этой категории относятся библейские, неохристианские, исламские, иудейские и прочие религиозные культы, нередко заимствующие убеждения и правила сразу из нескольких религий. Их ритуалы и методы включают в себя говорение на языках, пение, молитвы, уединение, продолжительные учебные занятия, исцеление верой, самобичевание, многочасовое благоговение, личное свидетельство, публичное исповедание грехов.

Политические, расистские или террористические культы

Политические, расистские и террористические культы подпитываются верой в изменение общества, революцию, низвержение противника (реального или мнимого) или избавление от враждебных сил. Лидер декларирует свое всеведение и всемогущество. В некоторых случаях радикальная идеология привлекает приверженцев больше, чем личность лидера. Обычно такие группы действуют как

подпольные ячейки. Зачастую члены группы вооружены и участвуют в насильственных акциях: поджогах, похищении людей и подрывах зданий. Подобные группы, как правило, собираются тайно и используют шифры, пароли, особые рукопожатия и прочие ритуализованные методы опознания. Рядовые члены группы считают себя элитными бойцами, готовыми вступить в сражение. К числу ритуалов и методов влияния относятся военная подготовка, доносы друг на друга, страх, общее осуждение, внушенная паранойя, жестокие методы проверки лояльности, многочасовая идеологическая обработка, навязанное чувство вины из-за расовых, классовых или религиозных различий.

Психотерапевтические культы

Психотерапевтические культы основаны на вере в необходимость личностной трансформации и личностного роста. Лидер действует, опираясь на собственный авторитет, подчеркивает свое всеведение и особые таланты, иногда рекламирует себя как «непревзойденного специалиста». Методы и приемы, которые используются в таких группах, включают в себя групповые энкаунтеры, глубокий анализ личных обстоятельств и мыслей, измененные состояния сознания, вызванные с помощью гипноза или иных способов, использование наркотических веществ, осознанные сновидения, терапию прошлых и будущих жизней, регрессию, ребефинг, иммерсионные ванны, компрометацию и устрашение, словесные оскорбления, унижение (в том числе публичное).

Коммерческие культы

Коммерческие культы подпитываются верой в успех, власть, общественное влияние и возможность быстро разбогатеть. Лидер, зачастую ведущий откровенно расточительный образ жизни, утверждает, что нашел «путь». Некоторые коммерческие культы имеют много общего с политическими и религиозными, поскольку основаны на ультраконсервативных семейных ценностях, строгих нравственных нормах, здоровом образе жизни или патриотизме. Членов группы побуждают принимать участие в дорогостоящих, подчас длительных семинарах и продавать другим «продукцию» группы. Методы и приемы воздействия включают себя недобросовестные способы продажи, внушение стыда и чувства вины, давление окружающих, материальное стимулирование,

магическое мышление и управляемые психические образы.

Культы Новой Эры

Культы Новой Эры основаны на вере в божественность человека и спасение через самопознание, на желании знать будущее и найти быстрое решение проблем. Лидер зачастую преподносит себя как мистическое, высокодуховное существо, контактера, медиума или супергероя. В таких группах чаще, чем в любых других, лидерами являются женщины. Члены группы используют экзотические методы и инструменты: кристаллы, астрологию, руны, шаманские приспособления, холистическую медицину, травы, общение с духами, карты Таро и т. д. Обычаи и методы влияния включают в себя фокусы, измененные состояния мышления, давление окружающих, ченнелинг, наблюдения НЛЮ, чистку «кармы», исцеление верой, общение с Вознесенными Владыками, духовными существами и т. п.

Оккультные и сатанинские культы

Оккультные и сатанинские культы порождаются верой в сверхъестественные силы, а иногда поклонением сатане. Лидер называет себя воплощением зла. Распространены приношение в жертву животных, а также физическое и сексуальное насилие; некоторые группы утверждают, что приносят в жертву людей. Обычаи и методы влияния включают в себя экзотические и причудливые ритуалы, атмосферу таинственности, устрашение, насилие, татуировки и шрамирование, членовредительство и кровавые обряды, жертвоприношения и алтари.

Родственные культы

Семейные культы основаны на исключительной вере в своего спутника жизни, кого-то из родителей или учителя. В таких случаях близкие отношения используются для того, чтобы манипулировать и управлять супругом, детьми или студентами, которые приписывают доминирующему человеку особые знания или способности. Нередко имеет место жестокое и длительное психологическое, физическое и сексуальное насилие. Обычаи и методы влияния включают в себя принцип кнута и пряника, внушенные ощущения вины, зависимости, страха, насильственную изоляцию, побои и прочие проявления насилия, кровосмешение, депривацию.

Культы личности

Истоки культа личности лежат в вере, которая отражает харизму, интересы и наклонности почитаемого лидера. Такие группы обычно строятся вокруг какого-то конкретного увлечения — например, боевых искусств, оперы, танцев, театра, изобразительного искусства, того или иного вида целительства. Методы и способы влияния включают в себя интенсивные учебные занятия, ритуалы, откровенный эгоцентризм или снобизм.

Культы как властные структуры

На основании своих исследований структуры и развития культов я разработала новую теорию и систему понятий для изучения и анализа таких групп. Эта теория, именуемая «ограниченный выбор», впервые была представлена в моей книге *Bounded Choice: True Believers and Charismatic Cults*. В этой статье я изложу свои идеи в упрощенном виде. Границы социальной структуры и внутренней жизни культа образуются четырьмя пересекающимися измерениями. Здесь я четко разделю эти четыре измерения, чтобы бывшим членам культов (чьи воспоминания о пережитом зачастую запутаны и противоречивы) было проще разобраться и понять каждый этап индоктринации и контроля. Но на самом деле эти измерения неразрывны и взаимосвязаны.

Авторитет, основанный на харизме. Это эмоциональная связь между лидером и его последователями. Она придает легитимность лидеру и авторитетность его действиям, в то же время оправдывая и подкрепляя реакцию последователей на его личность, идеи и цели. Харизму можно определить как «крючок», с помощью которого личность и идеи лидера «цепляют» людей. Общая цель авторитета, основанного на харизме, — руководить людьми. Его конкретная цель — обеспечить лидеру легитимность, авторитет и право осуществлять руководство. Достигается это с помощью поощрений и приказов. Желаемый эффект, конечно, заключается в том, чтобы члены группы поверили лидеру, признали его своим главой и считали его необыкновенной личностью, достойной преклонения.

Трансцендентная система убеждений. Речь идет об основополагающей идеологии, которая удерживает людей в группе и побуждает их действовать в соответствии с принятыми нормами и правилами.

Эта всепроникающая идеология привязывает последователей к группе и побуждает их вести себя в соответствии с определенными правилами и нормами. Она носит трансцендентный характер, поскольку предлагает исчерпывающее объяснение прошлого, настоящего и будущего, а также пути к спасению. Что важнее всего, лидер группы или группа в целом предписывает конкретный способ личностной трансформации, необходимой для того, чтобы идти по этому пути (и получить признание в качестве члена группы). Цель трансцендентной системы убеждений состоит в том, чтобы предложить людям мировоззрение, которое придает их жизни цель и смысл посредством нравственного императива. Такой императив требует от каждого человека пройти через процесс личностной трансформации. Желательно, чтобы в результате член группы ощутил свою сопричастность некоей великой цели и желание достичь спасения. Этот результат закрепляется посредством усвоения системы верований и соответствующих представлений и норм поведения.

Система контроля. Это набор известных — или явных — механизмов управления, с помощью которых осуществляется контроль за жизнью группы. В их число входят правила, нормы и процедуры, на которые ориентируются и которыми руководствуются люди в своих поступках. Общая цель системы контроля довольно проста — сформировать структуру организации. Конкретная цель заключается в том, чтобы с помощью правил, норм и санкций создать систему поведения и дисциплинарный кодекс. Результатом является соблюдение правил или, лучше сказать, повиновение.

Система влияния. Это система контактов и взаимных влияний внутри группы, формирующая ее социальный климат. Такая система и культура отношений, которую она создает, побуждают членов группы приспосабливать свои мысли, взгляды и поступки к новым убеждениям. Общая цель системы влияния — создать внутреннюю культуру группы. Конкретная цель — сформировать единое представление о нормах и правилах поведения, соблюдение которых ожидается от всех членов группы. Для этого используются различные формы давления со стороны лидеров и рядовых приверженцев, социально-психологическое воздействие и демонстрация образцов для подражания. Желаемый результат — стремление к единообразию и отказ от собственных желаний и идей. Это считается необходимым не только для того, чтобы стать

частью группы, но и чтобы достичь конечной цели.

В результате сочетания этих четырех измерений: трансцендентной системы убеждений, всеобъемлющей системы взаимодополняющих структурных и социальных средств воздействия, а также основанных на харизме взаимоотношений между лидером (лидерами) и последователями, — возникает «самогерметизирующееся» сообщество, которое требует от своих основных членов высокого уровня преданности. Такое сообщество коротко замкнуто на самом себе, оно не позволяет своим членам рассматривать альтернативные точки зрения. В крайних случаях самогерметизирующееся общество считает себя единственной истиной, а свои убеждения — исчерпывающими (в том смысле, что они дают ответы на все вопросы). Как правило, подобные группы стремятся к какому-то далекому идеалу.

Однако побочным эффектом стремления к такой цели слишком часто становится утрата человеком собственного «я».

Ограниченный выбор — трагедия ортодокса

Опираясь на два десятилетия научных исследований, на свой собственный опыт жизни в культе и в особенности на результаты углубленного сравнительного изучения двух современных американских культов (Демократической рабочей партии, политического культа, и Небесных врат, религиозного культа, основанного на причудливом сочетании идей Движения Новой Эры, традиционного христианства и уфологии), я разработала новую модель, объясняющую свойственный культам образ мышления — прежде всего, почему некоторые культы совершают иррациональные поступки, причиняют себе вред или действуют вопреки собственным интересам.

Приведенные выше четыре пункта помогают понять, каким образом все стороны жизни тоталитарной структуры складываются воедино, словно трехмерная головоломка. Любые события — даже те, что происходят во внешнем мире, — четко вписываются в схему, выстроенную лидером. Создается впечатление, что случайностей почти не бывает. Все толкуется в соответствии с мировоззрением лидера, даже если для этого требуется изменить его собственную жизнь и жизни членов группы. Время от времени идеологию, лежащую в основе группы, тоже приходится пересматривать, чтобы согласовать ее с переменами в мире или отдельными событиями: например, руковод-

ство Свидетелей Иеговы регулярно находило объяснения несбывшимся пророчествам об Армагеддоне, а также изменениям в учениях о прививках, пересадке органов и переливании крови. Мормоны пересмотрели свое отношение к многоженству и другим сомнительным практикам, а также свою политику в отношении темнокожих членов церкви.

Аналогичным образом Маршаллу Эпплайту, предводителю Небесных врат, пришлось пересмотреть пророчество о том, как его последователи «покинут эту землю», когда женщина, вместе с ним возглавлявшая этот культ, умерла от вполне земной болезни — от рака. Надежда на то, что приверженцев культа заберут («спасут») космические корабли, повисла на волоске. Еще одним возможным результатом этой преждевременной смерти стало то, что Эпплайт (а вместе с ним и все его приверженцы) изменил отношение к самоубийству. Поначалу оба лидера культа клялись, что ни они сами, ни их «ученики» никогда пойдут на самоубийство. Они утверждали, что в буквальном смысле преобразятся (облекутся в новую телесную форму), прежде чем перейти на «следующий уровень». Преображения так и не произошло, а массовый суицид состоялся.

Властные структуры культов с их системами влияния и контроля отводят определенные роли как лидеру, так и рядовым членам. Цель рядового члена — стремиться к недостижимому идеалу и постоянно винить себя в неспособности его достичь. С другой стороны, цель лидера — подталкивать к совершенству своих последователей, которые постоянно стремятся к недостижимому идеалу и непрерывно восхваляют лидера. Если все работает как задумано, и лидеры, и члены культа в равной мере оказываются запертыми в «ограниченной реальности» — самогерметизирующемся сообществе, в котором все подчинено одной задаче: снова и снова доказывать работоспособность системы. В нем нет места альтернативным идеям, образам мышления и образам жизни. Социальный психолог Эдгар

Шайн называет такой процесс насильственным убеждением.

В таком контексте решениями отдельного человека становятся решения организации — а решения от имени организации, по существу, принимает лидер, поскольку он один обладает достаточными полномочиями и квалификацией. Личный выбор (если он вообще возможен) ограничен правилами и образом мышления культа, в которых первое место всегда отводится организации. Кроме того, этот выбор ограничен образом мышления, присущим каждому члену группы, в котором первое место, опять-таки, отводится организации. В этом и заключается суть модели ограниченного выбора. В результате успешной индоктринации и ресоциализации человек в каком-то смысле становится микрокосмом в большой самогерметизирующейся системе. Он приходит в состояние, которое психолог Роберт Джей Лифтон называл «закупориванием личности» — самоограничением в рамках большей самогерметизирующейся системы. Для члена культа это становится психологической ловушкой. Закрытое состояние сознания, которое является кульминацией жизни в культе, помещает человека в глубокую изоляцию, поскольку он разрывает связь как с внешним, так и с собственным внутренним миром.

В культах установлены жесткие пределы познания, которые подкрепляются с помощью ресоциализации, идеологии и механизмов общественного воздействия. Цель этого глубокого изменения мировоззрения заключается в том, чтобы создать личность человека заново. Конечная цель — приучить человека отождествлять себя с «социализирующим агентом», т. е. с лидером культа, патриархом (матриархом) или деспотичным и склонным к насилию супругом. Желаемый результат — новое «я» (сформированное культом), чьи поступки диктуются «воображаемой волей» авторитетной личности. Иначе говоря, ни лидеру, ни кому-то из его помощников не обязательно указывать конкретному члену культа, что делать. Преданный и искренний верующий, усвоивший все уроки и образ мышления группы, точно знает, как следует поступать, чтобы не лишиться благосклонности всеведущего и всемогущего лидера. Такому человеку остается лишь «представить себе», что нужно делать, осознавая при этом, что он в любом случае останется в границах созданной культом реальности, поскольку в определенном смысле его личность уже слилась с лидером и другими членами группы. Существует ли для него какая-то иная реальность? Если поис-

тине преданный верующий чего-то не может вообразить, так это жизни вне группы. Иначе говоря, он руководствуется как внешними (реальными или вымышленными), так и внутренними, усвоенными запретами. В такой ситуации любой выбор, который он сделает, будет ограниченным. Да, это все равно выбор, но уже не свободный. По существу, с учетом контекста, это выбор между жизнью и смертью — в образном, но иногда и в буквальном смысле.

Социально-психологический феномен ограниченного выбора обогащает наше понимание того, почему так трудно вырваться из культа или взаимоотношений, связанных с насилием. Надеюсь, что бывшие культисты, которые воспользуются моделью, представленной в этой статье, чтобы проанализировать свое прошлое, смогут понять, почему они оставались в группе, почему они совершали такие поступки и почему верили в такие вещи. Члены культов находятся под мощным воздействием сразу нескольких сил, которые зачастую носят тоталитарный, манипулятивный и деструктивный характер. Осознав величину проблемы, бывшие члены культов смогут избавиться от сомнений в себе, перестать винить самих себя, почувствовать некоторое облегчение и понять причины своего прихода в культ и совершенных поступков. Это вовсе не значит, что культисты не несут никакой личной ответственности за свои действия — все мы ответственны за то, что делаем (разве что к нашему виску приставили дуло пистолета). Однако следует принять во внимание, что члены культов находятся под давлением и принуждением, которые на юридическом языке квалифицируются как «злоупотребление влиянием». Свободной воли как таковой культисты не лишены, но она, без сомнения, искажена и ограничена.

Д-р **Янъя Лалич** (Janja Lalich) до выхода на пенсию была профессором социологии в Университете штата Калифорния в Чико, стипендиатом Фулбрайта. Состоит членом Американской социологической ассоциации, Ассоциации социологии религии, Общества научных исследований религии и Тихоокеанской социологической ассоциации. Она основала и возглавляет Исследовательский центр влияния и контроля. Ее перу принадлежит целый ряд публикаций о культах и манипулятивном воздействии.

Статья впервые была опубликована в блоге д-ра Лалич Cult Research (cultresearch.org).

Переведена и опубликована с разрешения автора.

ЕСЛИ ВАШ РЕБЕНОК ПОПАЛ В КУЛЬТ

Майкл Лангоуни

Многие родители (и другие родственники), узнав, что их ребенок или член семьи попал в культ, испытывают страх и разочарование. Иногда они не знают, насколько оправдано их беспокойство. Их заботит, что принадлежность к культу может отрицательно сказаться на ребенке — он бросит учебу, отдастся от семьи, попадет в зависимость, утратит способность критически мыслить или станет жертвой вымогательства. Но зачастую они не понимают, как конструктивно подойти к проблеме, и их благонамеренные попытки помочь либо вовсе безуспешны, либо только усугубляют ситуацию.

У родителей, оказавшихся в таком затруднительном положении, есть четыре варианта действий. Во-первых, можно с терпимостью отнестись к тому, что ребенок стал членом культа, «проглотить пилюлю» и надеяться, что все как-нибудь обойдется. Во-вторых, можно игнорировать или отрицать проблему — вплоть до отречения от ребенка. В-третьих, можно прибегнуть к насильственному депрограммированию — это рискованное и затратное предприятие, но некоторых привлекают его кажущаяся простота и видимость быстрых результатов. Наконец, можно попытаться помочь ребенку самостоятельно переосмыслить выбор убеждений. В этой статье речь пойдет о том, как действовать в последнем случае. Некоторые мои идеи адресованы конкретно родителям, но специалистам они тоже будут интересны.

Вопросы этики

Пытаясь помочь своему ребенку самостоятельно переосмыслить принятое решение, родители сталкиваются с очевидной этической дилеммой. С одной стороны, можно осуждать культ за то, что он применяет к своим членам методы убеждения и управления, основанные на обмане и манипулировании. С другой стороны, им самим, возможно, не удастся из-

Майкл Лангоуни

бежать по крайней мере мягкого, умеренного использования тех же самых методов с целью подтолкнуть ребенка к переосмыслению принятого решения.

На самом деле, этот выбор только кажется трудным. Этичность или неэтичность методов убеждения и контроля зависит от масштабов обмана и манипулирования, от целей общения и контекста, в котором оно происходит. По этим трем критериям отношения в культах и взаимоотношения родителей с детьми существенно различаются. Приведенная ниже иллюстрация, отражающая многообразие процессов социального влияния, возможно, прояснит ситуацию.

Вертикальная ось отражает спектр методов влияния. На одном ее конце — полная честность и уважение; на другом — откровенное манипулирование (т. е. систематическое использование таких приемов, как ограничение доступа к информации, обман, групповое давление, угнетение критического мышления, внушение чувства вины и беспокойства, избавиться от которых можно лишь соблюде-

нием правил, физическое или психическое истощение, введение в транс).

Горизонтальная ось отражает спектр целей. Взаимоотношения могут быть нацелены как на интересы отдельных личностей (на то, чтобы объекты влияния удовлетворяли свои потребности и желания), так и на интересы коллектива (на то, чтобы побудить объекты влияния отказаться от собственных потребностей и желаний в угоду потребностей и желаний источника влияния).

Пересечение двух осей образует четыре квадранта, которые на рисунке снабжены подписями. В квадранте личностного развития источник влияния прибегает к честным и уважительным методам для того, чтобы удовлетворить потребности и желания конкретных людей. В квадранте опеки для удовлетворения потребностей и желаний конкретного человека используются манипулятивные методы. В квадранте воодушевления человека честными и уважительными методами побуждают пожертвовать собственными потребностями и желаниями ради блага источника влияния. А в квадранте эксплуатации манипулятивные методы применяются для того, чтобы убедить людей удовлетворять потребности и желания источника влияния.

В нашем обществе приемлемое влияние обычно ограничивается квадрантами личностного развития и воодушевления. В роли типичных источников влияния в них выступают, соответственно, психотерапевты и священнослужители. Однако взаимоотношения, основанные на опеке и эксплуатации в отдельных случаях тоже допустимы. Например, воспитателям и педагогам зачастую разрешается использовать манипулятивные способы коррекции поведения умственно отсталых людей. В редких случаях позволительна даже эксплуатация (например, во время полицейской работы под прикрытием), но в обычной жизни к ней относятся, в лучшем случае, терпимо (например, к хитростям продавцов и мерчендайзеров), ограничивая их четкими рамками (например, законами, защищающими права потребителей).

В квадранты опеки и эксплуатации попадают и культовые взаимоотношения — к их числу Маргарет Сингер относит «взаимоотношения, в процессе которых один человек намеренно склоняет других к полной или почти полной зависимости от него практически во всех основных жизненных решениях и внушает этим последователям веру в то, что он обладает каким-то особым талантом, даром или знанием». Таким образом, вступая с человеком

в недопустимые отношения, основанные на опеке (например, принуждение относительно здорового пациента к лечению) или эксплуатации, а затем доводя эти сомнительные отношения до той крайности, когда жизнь человека начинает разрушаться, мы участвуем в культовых взаимоотношениях. В наиболее серьезных ситуациях американские законы назначают жертве компенсацию, однако люди в целом, как правило, не готовы позволить государству вмешиваться в подобные взаимоотношения, опасаясь ущемления гражданских свобод. (В прошлом попытки расширить полномочия государства в таких вопросах предпринимали несколько раз, но все они завершились неудачей.)

Терпимость, которую наше общество проявляет к подобным взаимоотношениям, нередко вызывает гнев и разочарование родителей культистов. Они сердятся при виде того, как их ребенка эксплуатируют; они расстроены, поскольку не чувствуют себя в силах что-либо изменить.

В этой статье речь пойдет не о том, нужно ли обществу принять закон, расширяющий контроль государства в сфере культовых взаимоотношений, а о том, как следует действовать родителям с учетом существующего правового и этического контекста.

Правовой и этический контекст влияет на действия родителей и на их оценку того, что культы делают с детьми. Например, принудительное депрограммирование влечет за собой определенные правовые последствия, даже если родители задумываются о таком вмешательстве и считают его допустимым. Кроме того, трудно не усомниться в этичности поведения родителей, которые прибегают к мани-

пулятивным методам воздействия лишь для того, чтобы избавить самих себя от беспокойства, вызванного, например, неприличными поступками детей. Чрезмерная родительская опека по отношению к взрослому ребенку менее подозрительна, но тоже обычно вызывает вопросы, хотя в некоторых ситуациях может быть и оправданной.

Предложения, высказанные в этой статье, в основном относятся к квадранту личностного развития, поскольку в результате поведение родителей станет более открытым и уважительным и будет в большей степени направлено на благополучие ребенка. Время от времени в отношении может закрадываться оттенок манипулятивности, но обычно это происходит потому, что разрешение конкретного конфликта между родителем и ребенком требует от взрослого умения владеть собой и рассудительности. Например, родители могут счесть нужным утаить от ребенка свои истинные намерения. Однако уровень манипуляции, к которой они в таком случае прибегают, относительно невысок. Более того, если ребенок действительно стал жертвой культовых взаимоотношений, умеренная опека оправдана, поскольку (а) самостоятельность и здравость суждений культиста ослаблены; (б) культовые взаимоотношения нанесли культисту вред; (в) родственники традиционно более свободны в выборе методов социального воздействия, чем посторонние люди.

В заключение отметим, что родители, если они не хотят преступить границы морали, должны постоянно следить за этической приемлемостью своих действий. Им не следует пользоваться манипулятивными методами воздействия для достижения собственных целей или удовлетворения собственных потребностей. А прежде чем прибегать к манипулятивным методам в интересах ребенка, следует удостовериться в том, что чрезмерная опека оправдана.

Содействие добровольной переоценке

Сбор информации

Некоторые специалисты в этой области используют для описания процесса помощи жертвам культов термины «добровольное депрограммирование» или «консультирование по выходу». Я предпочитаю термин «консультация по переоценке», потому что с ним не связано столько негативных ассоциаций, как с другими. Родители и специалисты, приглашая человека на добровольное депрограммирова-

ние или на консультации по выходу, исходят из предположения, что культист «запрограммирован» или (во втором случае) непременно должен «выйти» из культа. Иногда подобные предположения оправданы — например, если культист явно обеспокоен тем, что происходит в группе, которая пользуется репутацией деструктивной. Но чаще всего это не так. Все больше людей, вовлеченных в культовые взаимоотношения, принадлежат к группам, которые относительно мало известны или не являются однозначно деструктивными — во всяком случае, причиняют вред не всем своим членам. Более того, из-за огромного количества негативной информации о культах в новостях родители иногда склонны считать некую группу деструктивной только потому, что ее верования расходятся с общепринятыми.

По моему убеждению, остаться в границах морали гораздо проще, если исходить из возможности того, что наш клиент может и не быть жертвой культовых взаимоотношений. Даже если у родителей есть причины беспокоиться о своем ребенке, их целью должно быть помочь ребенку пересмотреть отношение к группе на добровольной и информированной основе. Они должны убедиться, что их беспокойство оправдано, и что ребенок разделит их обеспокоенность, когда поймет вызвавшие ее причины. Следовательно, сбор достоверной информации — это необходимый этап любой попытки помочь человеку добровольно переосмыслить свое участие в группе, которая, возможно, является культом.

Существуют шесть основных источников информации, опираясь на которые, родители могут определить, стал ли их ребенок жертвой культовых взаимоотношений, и разобраться в ситуации:

- публикации — в том числе изданные самой группой и посвященные этой группе;
- организации и отдельные специалисты, занимающиеся изучением культов;
- бывшие члены группы;
- действующие члены группы;
- собственные впечатления о группе и об изменениях в поведении ребенка;
- сам ребенок.

Родители должны принимать во внимание и оценивать информацию, поступающую из всех перечисленных источников. У каждого из них есть сильные стороны и недостатки. Публикации изучаемой группы, даже если они преследуют ее собственные интересы, могут подсказать родителям, во что верит ре-

бенок, и дать им возможность выбрать удачный момент для обсуждения этих верований. Сведения о группе, представленные в сторонних источниках, могут быть очень полезны, если эти публикации не носят предвзятый характер и не склонны преподносить факты в сенсационном ключе. Организации и отдельные специалисты, занимающиеся изучением культов, иногда располагают информацией, которая еще не стала достоянием общественности, но при этом, как правило, собирают негативную информацию, а следовательно, не видят ситуацию со всех сторон. Бывшие члены группы не всегда настроены категорически против своих бывших единоверцев и зачастую смотрят на вещи под уникальным углом зрения. Беседы с действующими членами группы полезны не только как способ получения информации, они позволяют родителям познакомиться со стилем общения и прочими особенностями, присущими изучаемой группе. Собственные наблюдения родителей необходимо дополнить анализом поведения ребенка — в особенности, если оно отличается от нормы. Наконец, родителям никогда не следует недооценивать важность сведений, которые можно получить от самого ребенка.

К сожалению, как только родителями овладевает беспокойство, эмоции зачастую мешают им поддерживать общение с ребенком и пользоваться другими источниками информации. Поэтому первая задача, с которой сталкивается большинство родителей культистов, — необходимость овладеть эффективными способами общения и научиться справляться со своими чувствами.

Общение

Для того, чтобы эффективно поддерживать общение с ребенком, который, возможно, стал жертвой культа, родителям необходимо приобрести четыре вида навыков: (1) умение слушать; (2) умение ясно выражать свои мысли; (3) умение владеть собой; (4) умение преодолевать проблемы в общении.

Умение слушать. Большинство людей не понимает, что слушать — это особый навык. Они ошибочно думают, что слушать означает просто не перебивать и постараться понять слова собеседника. Однако умение эффективно слушать представляет собой нечто большее. Необходимо понимать невысказанные или плохо сформулированные мысли, прояснять информацию, полученную из вторых рук, проникаться чувствами, обычно сопутствующими тем или иным высказываниям, а

также помогать собеседнику выразить свои мысли и чувства более точно и полно. То, что человек хочет сказать, и то, что он говорит на самом деле, — далеко не всегда одно и то же.

Рассмотрим такой пример. Ребенок приходит домой и с радостью рассказывает отцу, что в общине Миссии божественного света, к которой он себя причисляет, его учат слышать божественную музыку, затыкая пальцами уши. Отцу удастся спокойно выслушать сына, не перебивая, и он мог бы слово в слово повторить услышанное. Но как только ребенок замолкает, отец жестко произносит: «Это всего лишь шум крови, протекающей через уши».

Объяснение, предложенное отцом, может оказаться верным, но его умение слушать оставляет желать лучшего. Он игнорировал эмоции, вложенные ребенком в свой рассказ. Сын в восторге от новых знакомых. Может быть, раньше он страдал от одиночества, а теперь ощутил себя частью группы. Может быть, рассуждения этих людей о божественной музыке и других духовных вещах помогают ребенку почувствовать себя особенным или служат оправданием, чтобы уклоняться от чрезмерных сложностей жизни. Кроме того, подобный ответ отца, скорее всего, спровоцирует защитную реакцию ребенка («Он опять назвал меня глупым!») и лишь усложнит, а не облегчит дальнейшее общение.

Отцу следовало повременить с научной критикой и сосредоточиться на невысказанных мыслях и чувствах, которые вызвали у сына такой восторг от лекции о божественной музыке. Можно было спокойно сказать: «Похоже, эта группа тебе очень нравится». Такая реакция означала бы следующее: «Я понимаю и уважаю чувства, которые побудили тебя поделиться со мной новостью о божественной музыке. Расскажи мне об этом подробнее». В подходящий момент отец мог бы спросить: «А ты не рассматривал другие возможные причины этого явления?» С помощью такого сократического диалога отец мог бы навести сына на мысль, что шум в ушах — не обязательно божественная музыка. Если учитель ошибается в этом вопросе, он может ошибаться и в других.

Проявив интерес, отец мог бы получить возможность побольше узнать о самой группе и отношении сына к ней, а также высказывать мнения, которые в таком уважительном контексте скорее будут восприняты доброжелательно. Это не манипуляция. Это умение слушать. Хороший слушатель не торопится с выводами. Он больше слушает, чем поучает.

Умение ясно выражать свои мысли. Родителям нужно стремиться не только по-

нять, что хочет сказать им ребенок, но и убедиться в том, что ребенок, в свою очередь, понимает их слова. Не следует думать, что ваша мысль понятна, только потому, что вы ее произнесли вслух.

Иногда родителям не удается отчетливо сформулировать то, что они хотели сказать. Возможно, отец из приведенного выше примера всего лишь хотел вызвать сына на откровенность и понять, чем вызван такой всплеск энтузиазма. Но если отец спрашивает: «И почему ты без ума от этой группы?» — вместо того, чтобы сказать: «Похоже, эта группа тебе очень нравится», — он может не достичь своей цели. Ведь ребенок может истолковать вопрос «почему» таким образом: «Какой человек в здравом уме станет связываться с этой подозрительной шайкой?» Он услышит совсем не то, что отец хотел сказать.

Иногда родители скрывают свои истинные мысли за высказываниями на посторонние темы, и это может губительно сказаться на общении с ребенком. Например, отец может сказать: «Похоже, ты очень доволен тем, что вступил в эту группу, — твой старший брат Джефф так же радовался, когда его приняли в студенческое братство». Упоминание о вступлении Джеффа в братство никак не способствует откровенности младшего сына. Более того, младший сын может еще больше замкнуться в себе, если он считает членство в братстве глупостью, и подобное сравнение для него оскорбительно.

Бывает, что невербальные сигналы, исходящие от родителей, перечеркивают все сказанное вслух. Например, если отец, говоря: «Похоже, эта группа очень тебе нравится», — барабанит пальцами по столу, и всей семье хорошо известно, что это признак сдерживаемого гнева, сын может подумать, что нужно готовиться к жаркому спору, и здорового общения не получится.

Понятно, что все это упрощенные ситуации. Эффективное общение намного

труднее, чем думает большинство людей. Следовательно, родители, у которых возник конфликт с ребенком, должны быть готовы изучать принципы общения — либо по книгам, либо с помощью профессионалов (например, посещая семинары или консультации семейного психолога).

Умение владеть собой. Жить без эмоций невозможно — это прописная истина. Но иногда, особенно в конфликтных ситуациях, они начинают мешать.

Каждую неделю Лиза посещает собрания группы, которая поклоняется одному индийскому гуру. Ее мать натывается в журнале на статью о некоем гуру по имени Бхагван Шри Раджниш, который пропагандирует свободную любовь. Имея самое смутное представление об индуизме, мать предполагает, что группа, которую посещает Лиза, поклоняется именно Раджнишу.

В голове женщины рождается страшная картина: ее дочь ведет беспорядочную половую жизнь и вскоре забеременеет. Сердце начинает учащенно биться, руки дрожат: «Боже мой! Лиза попала в секту!»

Весь день мать не находит себе места от беспокойства, воображая один за другим самые жуткие сценарии. Вечером Лиза приходит домой ужинать, вымотанная трудным экзаменом по органической химии. Матери невдомек, что Лиза уже несколько дней даже не вспоминала о своем гуру (который, кстати, проповедует целомудрие), что она не находит этого учителя привлекательным, и что она уже начала терять интерес к молодому человеку, который когда-то привел ее на собрания. Девушка хочет поступить в медицинский институт. Мать, которая всегда «на нервах», встречает дочь шквалом упреков и требует немедленно порвать с группой.

Предположим, что Лизу трудно вывести из себя, что она искренне любит мать, и что она владеет навыками общения. Она печально вздохнет и подумает: «Что это нашло на маму?» — и, пытаясь разобраться в невнятных фразах матери, попросит: «Мама, расскажи мне о том, что тебя расстроило». Благодаря терпению и пониманию Лизы, женщина, выплеснув свой страх наружу, осознает, что ее дочери ничто не угрожает. Ложная тревога, но никто не пострадал.

Но представим, что Лиза не уверена в себе и расстроена тем, что приходится жить под одной крышей с родителями. В таком случае ее реакция на упреки матери, наверное, будет совсем другой. Вспыхнет ссора. Лиза потребует, чтобы мать не вмешивалась в ее личную

жизнь. Мать сочтет эмоциональную и необдуманную реакцию дочери верным признаком того, что девушка попала в секту, где ей промыли мозги. Страх матери и обида Лизы будут стремительно усиливаться. Ложная тревога, пострадали все.

Рассмотрим еще одну ситуацию. Ронда принадлежит к малоизвестной группе, возглавляемой авторитарным лидером и имеющей явные признаки деструктивного культа. Лидер отнял у девушки все деньги и велел ей бросить школу, порвать со всеми друзьями и прекратить общение с родителями. Через третьи руки Ронда узнает, что у ее младшей сестры Сэнди обнаружили тяжелую болезнь — лимфому Ходжкина. Вопреки указаниям духовного наставника она решает навестить сестру, хотя ее до смерти пугает мысль о том, как Бог наказывает за непослушание. Мать девушек обладает хладнокровным, спокойным и сдержанным характером. Их отец, напротив, «не умеет держать себя в руках». Стоит Ронде появиться в дверях, он тут же обрушивается на ее с упреками: «Тебя ничто не волнует. Ты лицемерка. Как ты можешь так с нами поступать? Ты нужна сестре, а трратишь время, пресмыкаясь перед этим чертовым деспотом». Страх Ронды усиливается: «В этом доме всем заправляет сатана». Она бросается за утешением к лидеру группы и благодарит его за наказание, которое тот ей назначает. Тем временем, мать девушек понимает, что из-за несдержанности мужа они упустили прекрасную возможность вернуть дочь в семью. Она выходит из себя. Происходит ссора. Сэнди впадает в депрессию. Ронда остается в повиновении у своего духовного наставника.

Страх и неконтролируемый родительский гнев могут причинить большой вред на любом этапе вовлечения в культ. Что же делать родителям? Понять, что эмоциональные реакции — это не воздействие таинственных внешних сил, а усвоенный стиль поведения. После этого можно попытаться изменить привычные эмоциональные реакции точно так же, как мы меняем другие привычки. Прежде всего, можно определить ситуации, в которых проявляются негативные эмоции. Сказать это проще, нежели сделать, поскольку люди знают о собственных чувствах гораздо меньше, чем кажется. Сколько раз мы оказывались участниками или свидетелями следующей ситуации. Супруг А постоянно ворчит. Супруг Б спрашивает: «Ты чего на всех бросаешься?» Супруг А взрывается: «Ни на кого я не бросаюсь!» Супруг А, который явно чем-то недоволен, либо лжет, либо сам не отдает себе отчета в собственных чувствах.

Одним лишь усилием воли трудно стать более осведомленным о своих эмоциональных реакциях. Как правило, проще всего разобраться в себе с помощью систематической практики. Для начала попробуйте ретроспективный подход: заведите дневник, в котором описывайте и анализируйте свое поведение в разных ситуациях. Каковы были обстоятельства? О чем вы думали? Что вы чувствовали? Между мыслями и чувствами очень часто есть прямая связь: если вы считаете, что некая ситуация угрожает вам (психологически или физически), то почувствуете беспокойство. Если вы воспринимаете некую ситуацию как потерю или проигрыш, то огорчитесь. Если вы видите, что некая ситуация противоречит вашим нравственным установкам, то рассердитесь. Если ваша оценка ситуации окажется неверной (как это было в случае с матерью Лизы), ваши эмоции будут неуместны, а иногда и деструктивны. Поэтому, делая записи в дневнике, постоянно спрашивайте себя: «Верно ли я оценил ситуацию? Какие еще возможные объяснения следовало рассмотреть?»

Чем больше вы будете знать о том, какие ситуации вызывали у вас определенные эмоции в прошлом, тем лучше вы сможете прогнозировать свои эмоциональные реакции в будущем. И тогда вы сможете заранее подготовиться к опасным ситуациям, проигрывая в уме альтернативные способы их разрешения. Например, если вы склонны все драматизировать, снова и снова анализируйте панические мысли, которые обычно вас посещают. Если вы привыкли в любом разговоре негативно отзываться о культе, к которому принадлежит ваш ребенок, и это неизменно вызывает ссоры, попробуйте мысленно отрететировать разговор о чем-то другом. Например, составьте список тем, о которых можно поговорить спокойно, чтобы в следующий раз, когда ребенок придет в гости, вы оба получили удовольствие от общения.

Заранее отрабатывая возможные варианты, вы сможете найти конструктивный выход из эмоционально напряженных ситуаций и попрактиковаться в нем. Но в реальной жизни сделать это бывает гораздо труднее. Поэтому пользуйтесь какими-нибудь подсказками, чтобы в нужный момент вспомнить, как следует себя вести. Например, люди, сидящие на диете, иногда вешают на дверь холодильника картинку со свиньей! Это подсказка. Родители культивистов могут, например, поставить на видное место семейный портрет и тем самым напомнить себе, что их главная задача — не победить в споре, а сохранить семью. Супруги могут пода-

вать друг другу заранее установленные сигналы: «хватить», «остынь» и тому подобные.

С помощью систематического анализа своих поступков, мысленного повторения конструктивных ответов и составления подсказок вы сможете постепенно изменить деструктивные эмоциональные реакции. Если вы параллельно собираете достоверные сведения и поддерживаете эффективное общение с ребенком, вам будет гораздо проще побудить его к информированной переоценке отношения к культу.

Умение преодолевать проблемы в общении. Даже в тех случаях, когда у родителей есть раппорт с ребенком, и они обладают навыками эффективного общения, здоровому общению препятствуют обстоятельства или вмешательство культа. Например, если ребенок живет на территории, принадлежащей культу, до него могут не доходить ваши сообщения. Его могут так загрузить работой, что для вас у него просто не останется времени. Или ему могут внушить, что вы «от сатаны», и вас следует избегать. Его могут отправить в другое место и не сообщить вам, куда именно. Некоторые группы рассказывают своим последователям жуткие истории о родителях, которые похищали детей и депрограммировали их.

Сталкиваясь с подобными препятствиями, важно не допустить, чтобы разочарование и гнев повлияли на здравость ваших суждений. Какой бы несправедливой ни казалась ситуация, проблемы реальны, и с ними нужно разбираться. Зачастую полезно попытаться «минимизировать потери». Такой подход учитывает реальные условия и побуждает вас сосредоточиться на том, как можно свести ущерб к минимуму, не предаваясь пустым мечтам о том, чтобы все исправить. Иначе говоря, не теряйте присутствия духа. Извлеките максимум пользы из неблагоприятной ситуации.

Относитесь к коммуникативному барьеру как к проблеме, которая требует решения — по возможности, с участием вашего ребенка. Четко определите суть проблемы. Например: «Мы оставляем тебе сообщения, но неделями не получаем от тебя никаких известий». Проанализируйте факторы, которые могут быть причиной проблемы — сообщения не доходят, или ребенок говорит, что из-за крайней занятости забывает позвонить. Спросите его, какой выход из ситуации он видит. Затем предложите собственный вариант — например, звонить ему на работу или прикрепить у него дома на стене несъемную доску для записей (это поможет убедиться в том, что ваши сообщения намеренно от него скрывают). Об-

суждая проблему с ребенком, вы не только быстрее найдете приемлемое решение, но и поможете ему собственными глазами увидеть, что культ вмешивается в семейные отношения (если это, конечно, так).

Наконец, родители должны с уважением относиться к точке зрения ребенка, как бы сильно им, с их точки зрения, ни манипулировали. Ребенок верит тому, что видит.

Одним из самых серьезных факторов, влияющих на общение культиста с родителями, является страх стать жертвой принудительного депрограммирования. Подобно тому, как у родителей есть стереотипные представления о культах, у культа есть стереотипные представления о родителях. В замкнутой группе, особенно деструктивной, негативный образ «внешнего мира» порождает противопоставление «мы и они» и тем самым способствует сплочению рядов.

Родителям не следует обижаться на эти стереотипы и на вызванный ими страх перед депрограммированием. Нужно попытаться их развеять. Рассматривайте это как одно из препятствий в общении, как проблему, которая требует решения. Если у родителей есть достаточно хороший раппорт с ребенком, прямой вопрос: «Ты стал редко видеться с нами потому, что боишься депрограммирования?» — редко вызывает негативную реакцию. Если ребенок ответит утвердительно, скажите, что вы ничего подобного не замышляете. Если ваши слова его не убедят, спросите, что вы можете сделать, чтобы его успокоить. Как вариант, вы могли бы чаще встречаться на «нейтральной» территории — например, в каком-нибудь кафе. Преодолев таким образом страх перед депрограммированием, вы, скорее всего, укрепите свои взаимоотношения с ребенком, и он, возможно, согласится поговорить с критиками группы, чтобы услышать их аргументы. Иначе говоря, если вы с пониманием отнесетесь к его опасениям, он впоследствии может сделать ответный шаг и согласиться на разговор с третьим лицом, чтобы смягчить ваши опасения по поводу его благополучия.

Положительный пример

До сих пор мы говорили о том, как собирать информацию и укреплять доверие с помощью эффективных способов общения. Стремясь осуществить все это на практике, не забывайте, что для своего ребенка вы — пример для подражания. Если в общении с ним вы проявите готовность признавать свои ошибки, возможно, ему будет легче признать свои заблуж-

дения. У вас есть возможность подать ребенку пример готовности обсуждать проблемы и находить обоюдовыгодные решения. Тем самым вы демонстрируете, что готовы меняться, и вашему ребенку, в свою очередь, будет легче измениться. Очень часто люди ждут, что первыми изменятся другие. Эта стратегия иногда срабатывает, если другие действительно меняются. Но если они тоже ждут, что первыми изменитесь вы, никаких изменений не будет вовсе. Поэтому важно, чтобы в конфликтных взаимоотношениях каждая сторона приняла на себя ответственность за инициирование изменений в себе, не ожидая, пока начнут меняться остальные. Это особенно необходимо, когда речь идет о культе, потому что подростку или юноше такая возможность вряд ли придет в голову. Первый шаг должны сделать родители. Тем самым они подадут ребенку пример гибкости, открытости и разумности — все это нужно для того, чтобы культист добровольно переосмыслил свои взаимоотношения с группой.

Информация

Если у родителей сохраняются доверительные отношения с ребенком, тот с большей вероятностью примет к сведению информацию, представляющую в ином свете культ, к которому он принадлежит. Книжки, статьи, видеозаписи бывших культистов и специалистов, изучающих такие группы, а также личное общение с критиками помогут ребенку увидеть «другую сторону истории» и разобраться с причинами и последствиями своего участия в культе.

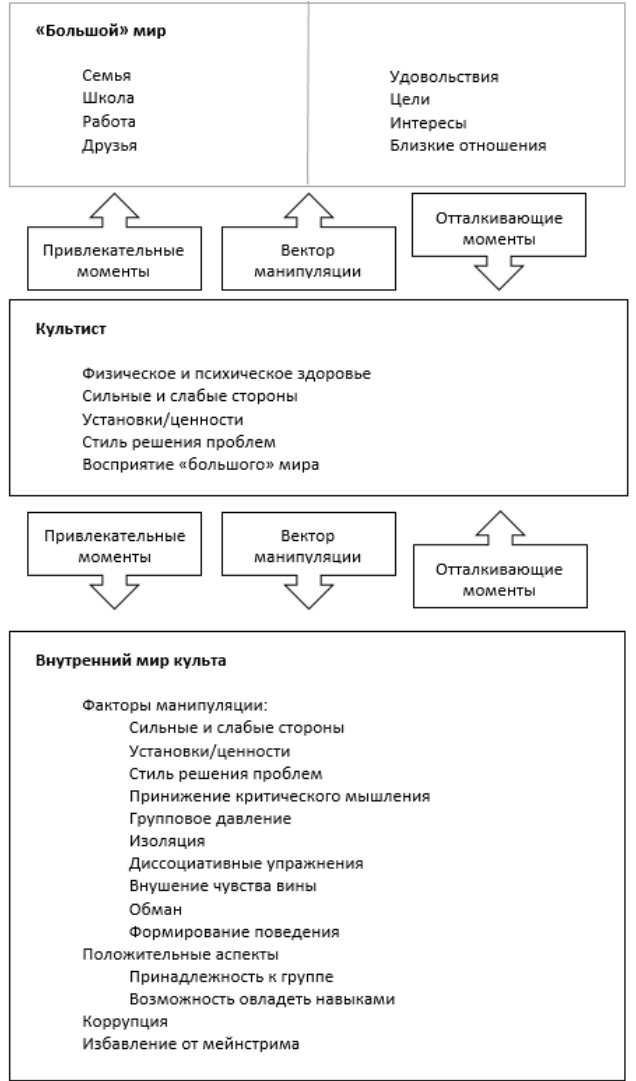
К сожалению, знакомство с критикой в адрес культа само по себе далеко не всегда приводит к искреннему переосмыслению. Культист не всякую информацию воспринимает с одинаковым доверием. Поэтому время — решающий фактор. Например, если ребенок еще только заинтересовался некоей группой и еще не успел усвоить ее убеждения и обычаи, он отнесется к критике с большим доверием. Но если культист уже врос в контекст (усвоил убеждения и обычаи культа), скорее всего, он не станет доверять посторонним источникам. В последнем случае, даже если доверительные отношения с родителями побудят его выслушать критику в адрес культа, он вряд ли примет ее всерьез. Столкнувшись с таким препятствием, нужно постараться понять, как мыслит ребенок, и не воспринимать его скептицизм как предательство, нарушение доверия, созданного с большим трудом. Культист просто видит мир иначе,

чем вы, и даже не так, как сам видел его прежде. Следует проявить терпение и обсудить с ребенком, каким образом люди определяют, чему стоит доверять, а чему нет. Возможно, это переведет его мышление на новые рельсы, и со временем он станет больше доверять сторонним источникам информации.

Стратегия

На рисунке ниже изображены различные силы, воздействие которых испытывает на себе культист. Если родители разберутся в них и помогут сделать то же самое своему ребенку, у них будет больше возможностей склонить его к переосмыслению опасности или потенциальной опасности пребывания в культе.

Родители, обеспокоенные тем, что их ребенок принадлежит к деструктивной группе, обычно уделяют наибольшее внимание манипулятивным сторонам деятельности этой группы (внутренний мир секты, стрелка «Вектор манипуляции»). Это важный момент, но не следует (а) думать, будто манипуляция всегда выглядит одинаково (конкретные ме-

тоды — например, изоляция — могут использоваться в разной степени), и (б) закрывать глаза на другие факторы, способные повлиять на поведение, чувства и мысли ребенка.

Например, если культист сомневается в своей способности «достичь чего-то» в «большом» мире («большой» мир, стрелка «Отталкивающие моменты») и искренне привязан к единоверцам, осознав, что им манипулируют, он может оказаться перед трудным выбором: страх и отвращение, если остаться; страх, чувство утраты и сомнения, если уйти.

Обращать внимание на одну только манипуляцию неразумно и по другим причинам. Во-первых, группа, о которой идет речь, может быть не такой уж и манипулятивной, и тогда постоянное обращение к теме манипуляции способно разрушить доверительные отношения между родителями и ребенком и помешать им разобраться в реальных причинах, по которым последний пришел в эту группу. Во-вторых, культист может не захотеть говорить о манипуляции со стороны группы, но быть открытым к обсуждению других факторов, влияющих на его поступки. В-третьих, даже если культист осознает, что им манипулировали, и уйдет из группы, после ухода он, возможно, будет мучиться от серьезных проблем, связанных с другими факторами, которых его родители не увидели, а потому не помогли увидеть ему. Следовательно, насколько это в их силах, родители должны помогать ребенку осознать все факторы, отраженные в диаграмме.

Один из факторов, на которые часто не обращают внимания, и которые относительно легко обсудить, если сохраняется доверительное общение, — отталкивающие моменты, которые есть во внутреннем мире культа (внутренний мир культа, стрелка «Отталкивающие моменты»). Если ребенок открыт к разговору о своих сомнениях, обидах, страхах и прочих неприятных моментах, связанных с культом, будьте осторожны, чтобы ненароком его не отпугнуть. Учитесь слушать, позволяйте ребенку выговориться, задавайте вопросы в ласковой, ободряющей манере, боритесь с соблазном прочесть ему нотацию или, хуже того, сделать выговор в стиле: «Я же тебе говорил (болван ты этакий)!»...» Если у ребенка есть проблемы, если он вам доверяет, а вы проявляете терпение, удивительно, как много важных вещей выплывет наружу.

Такой же неожиданностью, только неприятной, для многих родителей станет понимание того, как искренне ребенку нравятся некоторые стороны жизни в культе (внутренний мир культа, стрелка «Привлекательные

моменты»). Возможность найти работу, дружеские отношения, медитация, жизнь в спокойном, неагрессивном окружении, а также другие особенности культа могут быть очень привлекательными, даже если они соседствуют с такими неприятными аспектами, как обман, групповое давление и т. п. Но признать, что в культе есть привлекательные стороны, не значит признать свое поражение. Как раз наоборот, это может обернуться победой. Возможно, ваш авторитет возрастет. Если ребенок увидит, что вам можно доверять, он с большей вероятностью прислушается к вашим критическим замечаниям. Кроме того, положительные моменты культа могут дорого обойтись культисту, а иногда их можно найти и во внешнем мире. Если вы поможете ребенку это увидеть, возможно, он обратит внимание на другие жизненные цели. Например, я знаю бывших кришнаитов, которые продолжали заниматься медитацией и воздерживались от животной пищи даже после выхода из движения. Они отказались от всего, что было сопряжено с отрицательными моментами (обманом, особенностями поведения), даже если это было привлекательно, однако сохранили то, что считали для себя полезным. И продолжали заниматься этим, не бросая семью, учебу, работу и т. п.

Уверенность культиста в том, что он способен примириться с «большим» миром, а также распознать манипуляцию и сопротивляться ей, зависит от сильных и слабых сторон его характера, от его ценностей и установок, от его отношения к «большому» миру, от того, как он справляется с трудностями, и от его психического и физического здоровья (средняя рамка в диаграмме). Большинство культистов кажется нормальными людьми, однако от 30 до 50 процентов опрошенных признавались, что до присоединения к культу испытывали серьезные психологические проблемы. Если родители не обращают внимания на это обстоятельство (например, считают психологические проблемы ребенка ударом по своей самооценке), их возможности помочь будут сильно ограничены (равно как и возможности специалистов, не учитывающих возможность психических отклонений у культистов, с которыми они работают).

Поэтому очень важно, чтобы родители пытались понять, что происходит в душе ребенка (прошлые конфликты не упрощают эту задачу). Были ли у него какие-то трудности — страх перед свиданиями, профессиональные проблемы и т. п.? Не поставил ли он перед собой столь высокую планку (возможно, следуя

примеру родителей), что его жизнь до попадания в культ была похожа на до предела натянутую струну? Может быть, он необычайно робок и не способен ответить отказом — особенно тем, кто ему симпатичен? Был ли ему свойствен наивный идеализм или прожженный цинизм в отношении мира, благодаря чему он оказался легкой жертвой утопических идей? Не обнаруживал ли он склонность к депрессии? Адекватна ли его самооценка? Нет ли у него привычки уходить от проблем вместо того, чтобы их решать?

Подобных вопросов можно задать гораздо больше. Они подходят не к любой ситуации, но задавать их очень важно, если родители хотят помочь ребенку добровольно переосмыслить взаимоотношения с культом. Изучение психологического состояния ребенка позволит не только лучше понять привлекательные и отталкивающие стороны культа и механизм манипуляции, но и эти же аспекты «большого» мира. Если ребенок присоединился к деструктивному культу, родители зачастую не задумываются о тех сторонах жизни в мире, которые могли бы его заинтересовать (например, семейные встречи, загородные поездки, шоппинг), и недооценивают его опасения (например, не сумеет сделать карьеру, остаться без семьи или друзей, не обрести самостоятельность), а потому испытывают соблазн прибегнуть к тем же безнравственным способам манипуляции, которые использует культ. (Нужно заметить, что родителям манипуляция удастся гораздо хуже. У культов гораздо больше опыта, и нет сложной истории конфликтов, которая затрудняет взаимоотношения родителей и детей даже в благополучных семьях.)

У родителей, которые хорошо понимают, какие силы воздействуют на ребенка, поддерживают с ним доверительные отношения и обладают навыками здорового общения, есть все шансы помочь ребенку разобраться во многих факторах, влияющих на его поступки, чувства и мысли. Чем больше он знает об этом, тем больше у него психологической свободы. Психолог Альберт Бандура из Стэнфордского университета пишет, что «свобода определяется количеством имеющихся у человека вариантов и возможностью ими воспользоваться. Чем больше у людей поведенческих альтернатив и социальных привилегий, тем свободнее они в своих действиях» (Bandura A. «Behavior theory and the models of man» // *American Psychologist* 29, 1974, p. 815).

Пытаясь подтолкнуть ребенка к добровольному переосмыслению участия в куль-

те, родители пытаются обеспечить ему максимально возможную степень свободы. Культист, который под влиянием манипуляции или страхов рассматривает лишь узкий круг возможностей, в действительности не свободен — даже если собственные решения кажутся ему «свободными». Он похож на человека в шорах, который прикован к стене таким образом, что не может повернуть голову. Он видит перед собой три окна и может «выбрать», в какое из них смотреть. Однако из-за ограниченного поля зрения и неспособности повернуть голову он не подозревает, что в комнате есть еще шесть окон. Для него остальных окон не существует. Но сторонние наблюдатели (родители) видят все девять окон. Сняв с человека шоры и отстегнув его от стены, они позволят ему выбирать из девяти окон, а не из трех. Субъективно возможность выбирать не изменилась, но изменилось пространство выбора. И если ничем не связанный человек хочет и дальше смотреть в окно, которое выбрал, когда был пристегнут к стене, его решение, по крайней мере, будет информированным. Если же он захочет выглянуть в окно, о существовании которого раньше не подозревал, его решение будет не только информированным, но и лучшим.

Д-р Майкл Д. Лангоуни — американский психолог и психотерапевт. С 1981 года занимал пост исполнительного директора Международной ассоциации по изучению культов (ICSA), был основателем и редактором издаваемого Фондом американской семьи журнала *Cultic Studies Journal*, а также занимает должность главного редактора периодического издания *ICSA Today*. Автор нескольких книг а также ряда статей в научных журналах и сборниках. Оказал практическую консультативную помощь тысячам бывших культистов и их родственникам.

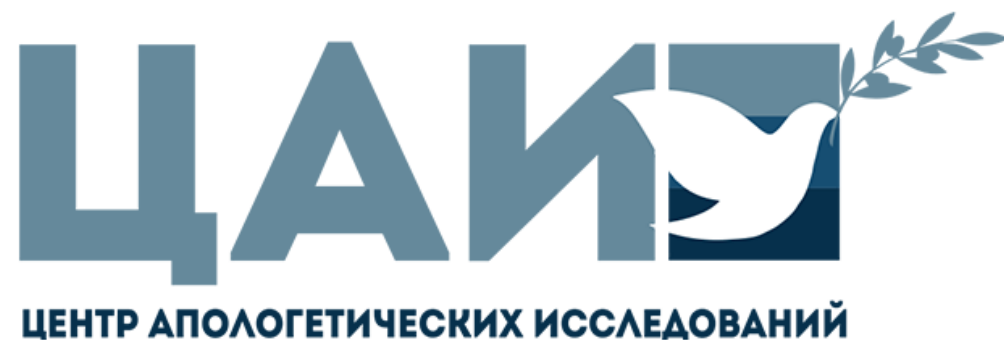
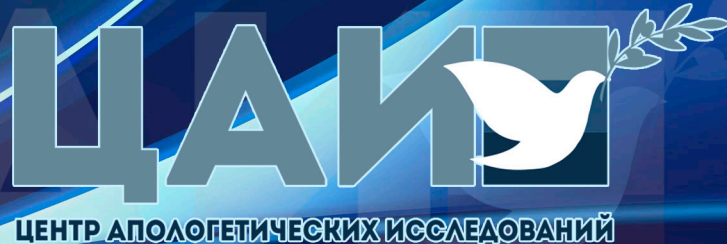
Статья впервые была опубликована в журнале *Cultic Studies Journal*, Vol. 2 No. 1, Spring/Summer 1985, pp. 89-102.

Полный оригинальный текст статьи доступен на сайте ICSA (www.icsahome.com)

Программа «Аргумент»

ПО ВТОРНИКАМ В 19:00
В ПРЯМОМ ЭФИРЕ

www.youtube.com/user/CfARRus

ПРОГРАММА «ЧАС АПОЛОГЕТИКИ»

ДВА РАЗА В МЕСЯЦ ПО ВТОРНИКАМ
В 17:20

в прямом эфире «Радио Мария»
radiomaria.ru/translation/

ТРУДНОСТИ ВЫХОДА ИЗ КУЛЬТА

Наоми Раддац

Прежде чем начать, я бы хотела дать определения двум терминам. Не уверена, что вы в курсе, но саентологи обожают определения и словари.

Первый термин — вуайеризм. Этим словом обозначается получение удовольствия от наблюдения за чем-то интимным, отвратительным или возмутительным.

Второй термин — взрослый во втором поколении (*Second Generation Adult, SGA*). В настоящее время так называют людей, родившихся и выросших в культах.

Я беседовала с несметным количеством своих коллег по киноиндустрии и других людей, и многие мои выводы составлены из информации, которой они со мной поделились. Поскольку в течение нескольких недель перед этим выступлением я сама и мои близкие подвергались травле, я приняла решение сохранить анонимность своих собеседников.

Мне не передать словами, как трудно было писать этот доклад. Я много раз бралась за работу и, наверное, раз тысячу все бросала. Были дни, когда я думала, что нет смысла рассказывать свою историю, и много раз хотела вовсе отказаться от этой затеи. Мои друзья-журналисты говорили, что фактов, подтверждающих мои мысли о вуайеризме в прессе, недостаточно, и что истории, связанные с культами, никогда не становятся сенсацией — они просто звучат странно и невероятно, и это автоматически порождает непристойные комментарии. Другие близкие друзья говорили, что я подвергаю опасности с таким трудом отвоеванные свободу и безопасность, чтобы примкнуть к крестовому походу, которым уже управляют люди с хорошими финансовыми возможностями и юридической поддержкой.

Я твердо уверена в одном: это моя история, и никто не может и не вправе отнять ее у меня. И любая организация, которая пытается заткнуть рот чьей-либо правде, представляет собой репрессивную систему. А я не могу этого терпеть.

Меня зовут Наоми Мийоко Раддац, и я родилась и выросла в Саентологической церкви, на улице Л. Рона Хаббарда в Лос-Анджелесе, штат Калифорния.

Я много лет молча наблюдала за тем, как развивалась саентологическая сага, ловко оставаясь посередине между теми, кто тихо ушел, и теми, кто заговорил вслух. Только в прошлом году я нашла в себе достаточно смелости, чтобы публично высказать свою точку зрения. И теперь, несмотря на понятный страх перед местью со стороны церкви, за которую 20 лет назад я готова была отдать жизнь, я могу твердо сказать: я говорю от лица других детей, среди которых выросла, многие из которых покончили с собой, и которым я посвящаю свое выступление. Тэйлор Твид, это ради тебя. Джордан Хобдон, это ради тебя. Флетчер Санчес, это ради тебя. Кенни Тобурн и Луиза Дагган, это ради вас. Я говорю от имени друзей моего детства, которые увязли в трясине наркомании, потому что нам внушили, что мы сами виноваты во всех страданиях в своей жизни.

Я делаю это ради своих друзей, страдающих душевными расстройствами, которые остаются недиагностированными, потому что нам запрещено прибегать к помощи психиатров. Я говорю от имени семей, которые были разрушены, и от имени друзей, которые, будучи в здравом уме и трезвой памяти, подписали пожизненные контракты с Морской организацией. Я выступаю от имени тех, кто покинул организацию, и надеюсь, что мы проложили дорогу для тех, кто все еще остается в ее рядах, и расчистили путь, на который они смогут без опасений ступить, когда решатся уйти.

Это моя история и мои мнения. Я не могу говорить за других. Я все еще пытаюсь найти новую жизнь и выздороветь. Все меняется день ото дня, из минуты в минуту.

Мои родители познакомились в саентологической миссии в Гонолулу, когда им обоим было по двадцать с небольшим лет. Политическая обстановка тогда была похожа на нынешнюю, и тогда, как и сейчас, люди пытались найти ясный и прямой путь в жизни. Церковь отправила моих родителей в Калифорнию, чтобы они сделали очередной шаг на пути к духовной свободе. Мой отец со временем стал одним из самых подготовленных аудиторов в своей области, а моя мать из нашей крохотной квартирки

управляла общежитием для иногородних саентологов. Со своей кровати я видела церковных клерков за стойкой регистрации, и каждую ночь перед сном я их целовала. Церковь была моей семьей, и я чувствовала себя в безопасности, зная, что она существует.

Я выросла на церковной территории и, едва научившись читать, сразу же начала работать на церковь, получая в качестве вознаграждения обучение. Труд в обмен на дорогостоящие саентологические услуги. Вместе с матерью я работала в знаменитом хранилище личных дел, расположенном в морге заброшенной лос-анджелесской больницы Сидарс-Синай. В то время церковь еще не отремонтировала эти помещения, и я отчетливо помню тот подвал. Там было темно, сыро и страшно, повсюду ползали тараканы. Мне до сих пор снятся кошмары, будто я бегу по этим залам, спасаясь от преследователя, которого слышу, но не вижу. Хранилище файлов представляло собой длинный, с футбольное поле, зал, освещенный дрожащим светом ламп, заставленный ржавыми металлическими шкафами, набитыми секретными папками, которые нам предстояло рассортировать. Мне поручили отправлять церковные пропагандистские материалы людям, включенным в список рассылки. Я работала в комнате без окон, доверху забитой коробками с разноцветными брошюрами и журналами. Я часами раскладывала материалы по конвертам, наклеивала марки и относила на почту.

Мне и в голову не приходило, насколько это странно. Мне снова и снова повторяли, что мой дух, мой тэтан, выбрал это тело, чтобы в нем родиться и завершить исполнение обязанностей, возложенных на меня, когда я была саентологом в прошлой жизни. Благодаря моей самоотверженной работе, меня считали очень благородной и особенной девочкой. К другим детям, которые вступили в Морскую организацию под тем предлогом, что они вновь воплотились на земле как саентологи и продолжают выполнять контракт, ранее заключенный на миллиард лет, относились с благоговением и уважением. Я смотрела на этих детей в маленьких костюмчиках с военными знаками различия и надеялась когда-нибудь стать одной из них.

С первым кризисом веры я столкнулась, когда начала знакомиться с внешним миром. Я чувствовала себя, словно пришелец из космоса, изучающий чужую планету. Я слышала, как SGA из самых разных культов говорили о себе то же самое. Повсюду, куда бы я ни посмотрела, были признаки враждебности, и мне хотелось

спрятаться. До сих пор хочется. Лица знаменитых саентологов, которых я обожествляла, красовались на обложках бульварных изданий рядом с такими заголовками, как «тайны и секреты, убийство, тюрьма и рабство». Видя эти заголовки, я чувствовала себя униженной, опозоренной, сбитой с толку и одинокой. Неисправимо чужой. Саентологи обычно

объясняли появление таких статей тем, что подавляющие личности преследуют нас и фабрикуют сенсационные заголовки, чтобы отпугнуть от церкви потенциальных новых членов. Они хотят, утверждала церковь, помещать другим людям присоединиться к нам в поисках духовной свободы. Саентологическая технология настолько действенна, что испуганные, порочные личности, ПЛ, сделают все, чтобы сокрушить нашу религиозную революцию. Меня учили не обращать внимания на газетные заголовки, но мне все равно было интересно, есть ли в них хоть доля правды. В таком состоянии недоверия и беспокойства, в сильном страхе я провела все детские годы, изо всех сил скрывая, откуда я.

В своем выступлении на конференции TED под названием «Опасность единственной истории» общественная активистка и феминистка Чимаманда Нгозе говорила:

Показывайте людям что-то одно, снова и снова, и именно этим они станут. Однако настаивать лишь на этих негативных историях значит уплощать переживания человека и закрывать глаза на многие другие истории, которые его сформировали. Одна история порождает стереотипы, и проблема стереотипов не в том, что они не соответствуют действительности, а в том, что они однобоки. Они превращают одну историю в единственную историю. Последствия единственной истории таковы: она лишает человека достоинства.

Крайне трудно выйти из тени слова «культ», а тем более расстаться с опытом жизни в культе. Культы — темная сторона человеческой природы, которая притягивает людей, но к которой они боятся приблизиться.

Если разговор о других душевных травмах, как правило, вызывает у людей сочувствие и сострадание, то к травмам, полученным в результате жизни в культе, обычно относятся с отстраненным любопытством. Когда я решила уйти из церкви, мне было 15 лет. Среди друзей и знакомых, которых я завела во внешнем

мире, среди «вогов», я быстро стала центром обсуждения. Меня обычно спрашивали: «Тебя насиловали?» «Ты знакома с Томом Крузом?» «Ты выросла в подземелье?»

Культы по природе своей скрытны. А все неизвестное считается чуждым или угрожающим. Боязнь признать, что все мы уязвимы, лишь подчеркивает нашу уязвимость для промывки мозгов и, следовательно, нашу глупость.

Широкие обобщения, навешанные популярной культурой, поддерживают стремление людей приписывать стереотипные проблемы людям, находящимся в культах. Ажиотаж вокруг культов всегда привлекает внимание, но обычно за счет пострадавших. Реальные мучения, которые испытывают жертвы, кажутся тем, кто о них читает, чем-то инопланетным. И тем, кто не соприкасался с такими переживаниями, очень трудно проявлять сочувствие.

Наниматели говорили мне: «Если бы я знал, что вы выросли в Саентологии, я бы никогда вас не взял на работу». Молодые люди, с которыми я встречалась, говорили мне: «Не знаю, хочется ли мне, чтобы моих детей воспитывал человек, с рождения бывший саентологом». Это серьезнейшая стигма.

Бывало со мной и по-другому. Не так давно меня пригласили на роскошную виллу одной актрисы — я работаю в сфере кино и театра, — и там рассказали, что некоторые детали моей биографии планируется включить в сценарий будущего экзистенциального фильма ужасов под названием «Наоми». Конечно, моя подруга была сражена наповал, когда я в пятистраничном письме (которое несколько раз переписывала) изложила все проблемы, которые порождает этот проект с точки зрения искусства и нашей дружбы. Ей просто не приходило в голову, что она копается в моих душевных ранах в поисках материала для сценария. Мы остались подругами, она, наверное, увидит это выступление, и я хочу сказать ей, что по-прежнему очень ее люблю.

Средствам массовой информации и нам самим присуща склонность к вуайеризму, который в лучшем случае выглядит как любопытство, а в худшем — как коммерциализация человеческих страданий и потерь. Популярная культура привлекает внимание прессы и представляет тебя — хорошо это или плохо — на всеобщее обозрение. Но когда отвратительные истории приобретают сенсационное звучание и теряют человеческое лицо, мы превращаем боль и страдания людей в развлечение.

Другая проблема с попытками извлечь выгоду из историй жертв культов — при этом вину за все случившееся часто возлагают на са-

мого пострадавшего. А исцелиться, если травма усугубляется чувством вины, невозможно.

Рассуждая о том, как в СМИ освещается тема травмирующих событий, д-р Джессика Хэмблен из Национального центра по лечению ПТСР при американском Департаменте по делам ветеранов говорит:

Многие неспособны сопротивляться новостям о травмирующих событиях... Как ни ужасно видеть это по телевизору и читать об этом в газетах и журналах, многим все равно почти не под силу отвернуться. Точно не известно, почему сопротивляться подобной информации так сложно. Некоторые говорят, что люди смотрят и читают новости, стремясь переварить и осмыслить события. По мнению других, пресса намеренно создает заманчивые и затягивающие образы, очень похожие на кадры из фильма в жанре «экшн». Каковы бы ни были причины, важно сознавать, какое влияние на общество оказывает такого рода информационное воздействие. Как правило, исследования показывают, что между наблюдением за новостями о травмирующих событиях и симптомами стресса существует непосредственная связь.

Мы все хорошо знаем, что наш мир принимает далеко не каждого. Именно это и побуждает многих уязвимых людей, оказавшихся на обочине общественной жизни, уходить в культы. Когда есть аудитория, всегда готовая копаться в необычных подробностях чужого прошлого, пресса не столько просвещает, сколько развлекает потребителя, и не столько помогает жертве, сколько усугубляет ее изоляцию.

Пострадавшие боятся рассказывать правду своим родственникам и новым знакомым, опасаясь, что те отвернутся от них, когда узнают, что в их прошлом было нечто столь отвратительное. Мы виним себя и мучаемся от стыда за то, что выросли в окружении, в котором оказались не по собственной воле. И СМИ способствуют тому, что в сознании жертв укореняется токсический стыд.

То, что пресса пишет о культах, бесспорно, очень важно. И есть все возможности делать это правильно. В числе примеров хороших публикаций можно назвать статью Пола Хаггиса в еженедельнике *The New Yorker* и смелое решение компании A&E Networks выпустить в эфир программу *Scientology and the Aftermath*, которая была удостоена премии «Эмми». На мой

взгляд, культы и духовное насилие — фактор, который оказывает невероятно деструктивное воздействие на здоровье общества, и СМИ должны прилагать все силы к тому, чтобы освещать и разъяснять эту проблему.

Когда после недавних самоубийств Энтони Бурдэна и Кэйт Спэйд журнал «Ньюсуик» подвергся критике за оптимизированные для поисковых индексов заголовки, принижавшие трагичность этих происшествий, Биджан Стивен из сети *The Verge* отреагировал так:

Каждому изданию приходится делать выбор: гнаться за трафиком в ущерб нравственности или отказаться от прибыли в угоду профессиональной этике... Оптимизированные для поисковых машин новостные сообщения неприятно прямолинейны, потому что раскрывают тайные желания людей. Они никогда не исчезнут, потому что человеческое стремление к бульварным подробностям неистощимо.

Важно правильно оценить масштабы бедствия. По некоторым консервативным оценкам, примерно 125 тыс. жителей США провели детство в религиозных культах. Социологическое исследование, посвященное проблеме ПТСР среди SGA (тех, кто родился в культе), показало, что благодаря окружению, в котором растут такие дети, зловещие угрозы и регулярные выговоры за проступки порождают в них чувство неуверенности в себе и ненависть к самим себе. Подобное окружение — прямая противоположность условий, в которых психологическое сообщество рекомендует воспитывать детей. Сегодня тысячи этих SGA ежегодно покидают культы. Эти взрослые испытывают самые разные проблемы, связанные с насилием и недостатком внимания, с которыми они сталкивались в детстве. Спектр проблем очень широк — от последствий сексуального растления до отсутствия должного образования. Все это влияет на душевное здоровье, самооценку человека и его способность зарабатывать на жизнь. Все больше исследователей говорят о том, что психологические травмы, перенесенные в раннем детстве, могут негативно сказаться на развитии мозга ребенка, в результате чего они с большой вероятностью вырастут очень асоциальными людьми.

Лично я не считаю, что о человеке, страдающем от последствий упомянутых выше травм, следует говорить таким образом, что это еще более усугубит его эмоциональное состояние. Я также сомневаюсь, что, даже узнав об этих фактах, журналисты откажутся от возможности вернуть заголовок поострее. Единственный способ добиться того, чтобы о нас писали беспристрастно, а не с расчетом на клики и лайки, — рассказать о себе самим, от своего имени. Да, вам придется нарушить молчание (что бы это для вас ни означало), но другим после вас будет уже легче.

Раньше мне казалось, что моя история не столь важна. Да, в своей жизни я повидала достаточно дурных, непристойных, чудовищных и пугающих вещей, чтобы ко мне можно было проявить сочувствие и понимание. Пережившие душевную травму обычно чувствуют себя одинокими и изолированными от общества, пока не поделятся своей правдой. Ощущение, что ты — единственный человек, переживший это, обрекает тебя на невыразимое одиночество.

Я была бы рада сказать, что в результате всех своих поисков и бесчисленных бесед с разными людьми: артистами, общественными активистами, журналистами, — я нашла ответ на вопрос, как оставить позади стигмы прошлого. Я была очень самонадеянна, думая, что смогу свести все к одной простой формуле.

Я могу сказать лишь одно: как подсказывает опыт, для этого нужно, чтобы жертва сделала шаг вперед и рассказала о пережитом. И поскольку одна история тянет за собой другую, я надеюсь, что мое выступление станет прологом к следующему. Одному-единственному человеку редко удается стать причиной масштабных перемен. Мы должны сделать это сообща, и я надеюсь, что мы подойдем к этой задаче серьезно.

Спасибо.

Наоми Раддац — бывшая последовательница Саентологии, профессиональный визажист и стилист, работала в целом ряде театральных и кинематографических проектов.

Статья представляет собой текст доклада, прочитанного Раддац на конференции ICSA в июле 2018 года.

Руководитель проекта Павел Столяров
Редактор Дмитрий Розет
Корректоры Валерия Сорокина, Ирина Речицкая

Почта: 194044, Россия, СПб., а/я 954
Веб-страница: www.apologetika.ru
E-mail: Russia@apologetika.ru

При перепечатке ссылка на «Вестник ЦАИ» с указанием почтового и электронного адресов ЦАИ обязательна